

Научная статья

УДК

doi: 10.17223/2312461X/39/8

## Возвращение буддизма: религия и политика в современной Калмыкии<sup>1</sup>

---

Эльза-Баир Мацаковна Гучинова

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия, bairjan@mail.ru*

**Аннотация.** Рассматриваются вопросы возвращения буддизма в Калмыкии – как после перестройки и либерализации в России были разрешены публичные конфессиональные практики и политики идентичности и религиозности в регионе, в котором после 1930-х гг. не работало ни одного буддийского храма. Буддийская вера восстанавливалась в калмыцком обществе благодаря усилиям людей, которые хотели, чтобы сангха в Калмыкии развивалась независимо от государства, преодолевая советский опыт компромиссов с властями. Показано, как происходит религиестроительство в современной Калмыкии, как постепенно буддийские практики входят в общественную жизнь республики, а также тесную связь конфессиональной буддийской принадлежности с этнической идентификацией калмыков, которая еще несколько десятилетий назад не была столь очевидной. Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в Калмыкии в 2018–2021 г.

**Ключевые слова:** буддизм, идентичность, постсекулярная эпоха, Калмыкия, хурул, Далай-лама, Шаджин-лама, политика, религиестроительство

**Благодарности:** статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института этнологии и антропологии РАН.

**Для цитирования:** Гучинова Э.-Б.М. Возвращение буддизма: религия и политика в современной Калмыкии // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 171–191. doi: 10.17223/2312461X/39/8

---

<sup>1</sup> Публикуемый текст представляет собой переработанный вариант статьи: Elza-Bair Guchinova Awaiting the Chakravarti-Tsar: Buddhists and Politics in Contemporary Kalmykia // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2020. No. 59:1. P. 8–28. DOI: 10.1080/10611959.2020.1918954. После подачи текста в редакцию произошли события, важные для обсуждаемого сюжета: начало специальной военной операции, отъезд Тэло Тулку Римпоче весной 2022 г., признание Э. Омбадыкова 27 января 2023 г. иноагентом, после чего он покинул свой пост. Несомненно, это повлияет на религию и политику в Калмыкии. Новая ситуация требует специального изучения, и я надеюсь вернуться к этому в следующих публикациях.

Original article

doi: 10.17223/2312461X/39/8

## The Return of Buddhism: Religion and Politics in Contemporary Kalmykia

Elza-Bair M. Guchinova

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russian Federation, bairjan@mail.ru*

**Abstract.** This article is devoted to the return of Buddhism to Kalmykia - how, after perestroika and liberalization in Russia, public confessional practices and politics of identity and religiosity were once again allowed in the region, where all but one Buddhist temple have been destroyed since the 1930s. The Buddhist faith was restored in the Kalmyk society thanks to the efforts of people who wanted the sangha in Kalmykia to develop independently of the state, overcoming the Soviet experience of making compromises with the government. The author shows how religion-building takes place in contemporary Kalmykia, how Buddhist practices gradually enter the public life of the republic, as well as the close connection of confessional Buddhist affiliation with the ethnic identification of Kalmyks, which was not so obvious during the Soviet rule. The article is written on the basis of field materials collected by the author in Kalmykia in 2018-2021.

**Keywords:** Buddhism, identity, post-secular era, Kalmykia, khurul, Dalai Lama, Shajin Lama, politics, religion-building

**Acknowledgements:** the article was prepared in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

**For citation:** Guchinova, E.-B.M. (2023) The Return of Buddhism: Religion and Politics in Contemporary Kalmykia. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 171–191 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/39/8

### Введение

Постсекулярная эпоха в России вызвала к жизни в Калмыкии, как и в других регионах страны, явление, которое иногда называют «возрождение религии». В слове «возрождение», на мой взгляд, присутствует оттенок примордиализма, как будто всплеск интереса к религии, ее утверждение в части калмыцкого общества конца XX в. происходили сами по себе, стоило только «религию разрешить» – без усилий множества людей и в тех же самых формах, в которых этот процесс был приостановлен в 30-х гг. XX в. С тех пор существенно изменились формы религиозности, а линии развития религиозной жизни в постсоветских республиках показали, как много зависит от экономического и политического контекста, от конкретных людей, занимающих лидерские позиции во власти государственной и власти духовной.

Если «возрождение православия» было подготовлено в том числе длительным процессом легализации религии в советское время через ее

локализацию в культуре (Кормина, Штырков 2015: 9), то в отношении буддизма все было скромнее. Калмыцкая интеллигенция в советское время редко обращалась к духовным темам. Первыми, кто сделал это, были Никита Санджиев с его выразительной скульптурой ламы с говорящим названием «Уходящая Монголия» (дерево, 1974), Гарри Рокчинский с живописным полотном «Зая-пандита – просветитель, основоположник ойрат-калмыцкой письменности» (х.м., 1980), а также искусствовед Светлана Батырева с исследованием старокалмыцкого искусства (Батырева 1991).

Н.А. Санджиев не мог назвать свою работу «Лама», но понимал, что важно запечатлеть в пластике фигуру монаха в полный рост с молитвенной позой рук, который весь сконцентрирован в своем внутреннем мире. Название скульптуры уводит возможного критика за территорию СССР и, эпитет «уходящая» должен был компенсировать недовольство за внимание к «пережиткам» прошлого, как тогда относились к религии. Г.О. Рокчинский создал портрет исторического лица – ойратского монаха, который изобрел *тодо бичиг* (ясное письмо), адаптируя письменность к особенностям ойратского (калмыцкого) языка, и перевел на этот язык важные буддийские сочинения. Эта фигура продолжает оставаться такой же значимой для калмыков, как монахи Кирилл и Мефодий в России, но все же в конце 1970-х гг. талантливый живописец и бывший узник Широклага<sup>1</sup> опасался последствий: поэтому название работы содержит и обоснование, ведь не все чиновники, решающие судьбы произведений искусства, могут знать о вкладе ойратского монаха в культуру калмыков. Может быть не случайно и облик ойратского просветителя так похож на лицо Председателя Совета министров Калмыцкой АССР (1974–1989) Л. Бадмахалгаева? Наконец, искусствовед С. Батырева, первая из калмыцких ученых в советском искусствоведении изучавшая буддийское искусство калмыцких мастеров, называет его старокалмыцким, отгораживаясь от него в названии как от искусства вчерашнего дня, сегодня не актуального. Эти вынужденные трюки с названиями были необходимы, чтобы подстраховаться и донести свои работы до зрителей и читателей.

Надо сказать, что и в научной литературе советских лет буддизм в России было принято называть ламаизмом, чтобы так дистанцировать его от буддизма, его истории и транснациональных границ. Роль лам, монахов высших рангов, была высока и продолжает быть такой во всем мире, но, как показало время, переименование российских практик буддизма не смогло поставить заслон и после либерализации в СССР, такие действия, как пишешь «ламаизм», имея в виду «буддизм в России», ушли в прошлое, как и многие другие перформативные практики публичного дискурса Позднего советского времени (Юрчак 2015: 76).

Антрополог Брюс Грант сравнивал отношения в СССР между Москвой и союзными республиками как отношения с пленником с помощью

дара: положение пленника усугубляется односторонними дарами со стороны России в области экономики, в сфере образования и проч. В ответ пленник должен предоставить свои ресурсы, символические (делегировать суверенитет) или экономические, человеческие (Grant 2009: L3).

В этой статье я хочу показать, как Калмыкия, давно отдав свой суверенитет в области экономики и политики федеральному центру, в последние десятилетия отстаивает свой суверенитет в конфессиональной сфере. Это было возможно благодаря феноменальной силе процесса строительства религии как пространства, свободного от государственного вмешательства (Mahmood 2017: 198). В работе использованы полевые материалы, собранные в Калмыкии в 2018–2021 гг., а также данные, собранные в медиа и социальных сетях.

### Немного истории

Калмыки, которые по переписи 2010 г. составили 162 тыс. чел. (57% населения республики), до Октябрьской революции (в 1897 г. – 196 тыс. чел.) исповедовали буддизм в его северной – тибетской версии. В больших дореволюционных калмыцких семьях было принято одного из сыновей отдавать в монахи, так что монахов было немало, в 1917 г. было зафиксировано более 5 тыс. священнослужителей (Дорджиева 2014: 68). Соответственно, храмов на всех калмыцких землях – около 100. К 1929 г. все они были разрушены (кроме одного), монахи высоких рангов репрессированы, остальные монахи были вынуждены сложить с себя сан и вернуться в мирскую жизнь. Этот процесс коммунисты называли «размонашивание». Похожие практики поощрения и продвижения монахов, нарушающих обеты, были зафиксированы в 1960-е гг. во время культурной революции в КНР (Арджа Лобсанг Тубден 2018: 66–68).

В 1943–1956 гг. калмыки были тотально депортированы в разные области Сибири «навсегда». Однако за 13 лет ссылки религиозная сфера была не только приватизирована, но и существенно сократилась. Может быть, несколько сот человек продолжали тайком практиковать, соблюдая дни поста (*мацгта*) (Бакаева 2010: 421). После XX съезда КПСС в конце 1950-х гг. калмыкам разрешили вернуться на родину. Подавляющее большинство калмыков приехали в родные степи и стали обживать повторно созданную Калмыцкую автономную область, позже республику.

В начале 1980-х гг. в Калмыцкой АССР считалось, что атеистическая работа ведется успешно и верующих буддистов в Калмыкии практически нет, а если и есть, то это небольшая группа стариков. В Калмыкии в эти годы не появилось ни одного даже небольшого культового строения. Никто не видел монахов в их красных одеждах, никто не

слышал молитвенного пения. Но почему-то какие дни благоприятны для свадеб и похорон надо было у кого-то узнавать, а также узнавать, когда будут калмыцкие праздники. Не стоит думать, что официальный советский календарь и астрологический лунный календарь отражали две непримиримые стороны жизни калмыков. В позднесоветском калмыцком обществе эти календари мирно уживались в многосложном образе жизни национальной республики.

При всей антирелигиозной репрессивной политике ВКП(б) и атеистической пропаганде КПСС буддизм в СССР не был запрещен, но буддийская сангха (община) должна была принять правила, которые ей предлагало Советское государство: священники могли получать религиозное образование только в Бурятии или Монголии. Почти все монахи в СССР были женаты. Возможно, власть предполагала, что в женатом виде они не воспринимались бы международным буддийским сообществом как полноценные монахи. Именно такие священники – родившиеся в СССР и вынужденные сотрудничать с советской властью – практиковали в Бурятии и Тыве.

Первые монахи были приглашены в 1989 г. для службы в молельном доме Элисты из Бурятии и Тывы. К ним присоединился выпускник кафедры монголо-тибетской филологии восточного факультета СПбУ Владимир Чуматов (1953–2013), получивший Прибежище у Кушок Бакула Ринпоче и ставший ламой Ринчен Дагва. Здесь мы видим пример ресайклинга, по выражению С. Люрман, в данном случае «работы по трансформации умений, когнитивных и дискурсивных привычек людей... направленной на то, чтобы сделать их полезными в новом контексте, на который они изначально не были рассчитаны» (цит. по: (Кормина, Штырков 2015: 8)). Знания тибетского языка и культуры в академической среде советских лет девальвировались, так как доминирующие идеологические рамки предполагали односторонний разоблачающий подход к любой религиозной системе как реакционной. С решением публичных религиозных практик возник запрос на проведение буддийской службы, и здесь знание тибетской культуры приобрело новые смыслы. Лама Ринчен Дагва был востребован, он пользовался особым доверием среди элистинских прихожан.

Но в Калмыкии сохранялись и священники старой школы, которые успели получить буддийское образование до активной антирелигиозной политики советской власти. Некоторые были вынуждены завести семьи, но не могли изменить своей духовной природе и принимали у себя тех, кто обращался в трудную минуту за советом – посмотреть по астральным картам, когда лучше назначить сватовство и свадьбу, какой день подходит для похорон и свадеб, а также – за молитвой, лечением. Их имена не всегда были на слуху, и, как правило, люди говорили: надо поехать к Цаган-Аманскому *аве* (деду) или в совхоз Заливной, подра-

зумевалось, что на прием. Многие помнят Тугмед гавджи (Очир Дорджиев, 1887–1980 гг.), который жил в Цаган-Амане и несмотря на аресты, заключение и ссылку, смог сохранить богатую духовную библиотеку. Там же жил Бадма Гедеев (1890–1973), который шестилетним мальчиком был отдан в Цаган-Аманский хурул и после 18 лет обучения принял обеты *гелюнга*<sup>2</sup>, которые был вынужден снять в 1930-е гг., в 1935 г. он был осужден, позже вместе с калмыками сослан в Сибирь. Вернувшись из Сибири в 1957 г., поселился в п. Цаган-Аман (Дорджиева 2014: 110).

Период позднего социализма (1960–1980-е гг.) в Калмыкии в связи с рассматриваемым вопросом был назван Валерией Газизовой временем «тайного буддизма», в котором она исследует формы секретности, действовавшие в отношении калмыцких подпольных буддийских священников в ситуации сосуществования культурно антагонистических мировоззрений – коммунистического и буддийского (Gazizova 2019). В то же время практики этих лам не были «совершенно секретными», к ним мог обратиться любой человек в любой день, в том числе и члены семей чиновников. Надо сказать, что местные власти также относились к этим практикам с уважением, побаиваясь открыто им противодействовать.

Речь идет о выпускниках 1923 г. высшей буддийской школы Цаннит Черя: астролог Зодва Натыров (1902–1995), врач Намка Кичиков (1901–1985) и философ Санджи Уланов (1903–1996). В 1930-е гг. Намка Кичиков был вынужден сложить с себя сан, Натыров и Уланов получили тюремные сроки, причем Уланов – почти 25 лет колымских лагерей. Как рассказывают в народе, они всегда соблюдали буддийские обеты, читали молитвы, переписывали тибетские тексты на старое калмыцкое «ясное письмо», помогали людям: вели прием, несмотря на негласный надзор (за Улановым вплоть до 1990 г.). Несмотря на полученную специализацию, буддийская система образования была такова, что монахи хорошо знали смежные специальности и могли помогать прихожанам, которые обращались по разным вопросам. К ним приезжали со всей республики.

Мой сын служил в Афганистане, в десантных войсках. Перед уходом в армию дедушка Зодва дал ему с собой амулет – начитанную монету. Строго наказал носить при себе. Однажды в бою пуля срикошетила и попала прямо в эту самую монету. Сына даже не оцарапало. Он написал домой об этом и срочно потребовал еще раз сходить к дедушке Зодве, чтобы тот заговорил еще одну монету. Так и сделали. Почтой в письме мы отправили ее сыну. Благо он вернулся с войны живой и невредимый и сейчас у него двое детей (ПМА: интервью с Л.К.).

Мне было 6 лет, и я очень испугался. Тогда меня мама повезла в Заливной. Мы приехали затемно, еще не рассвело. Я многое забыл, но хорошо помню, как Намка гелюнг набирал воздух в легкие и дул на меня. Я тогда ощутил особен-

ный, очень приятный запах его дыхания. Много позже в Индии я услышал этот запах от одного ламы и сразу вспомнил Намку. Позже я услышал в проповеди Его Святейшества Далай-ламы, что люди, которые в молитвах забирают у всех живых существ горести себе и таким образом в его душе эгоизм исчезает и рождается сострадание – у тех, кто так практикует долгое время, у дыхания появляется очень приятный запах... (ПМА: интервью с А.Д.).

Как пишет В. Газизова, эти «тайные ламы» советской эпохи стали центром современного общественного поклонения, им посвящены новые *танки* (буддийские иконы) и храмы, а рассказов об их магических способностях предостаточно. Бывшие места их проживания стали местами паломничества, связанными с чудесными исцелениями (Gazizova 2019). Действительно, понадобилось время, чтобы можно было оценить ту работу, которую выполняли ламы старой школы в Калмыкии.

### Встреча с Учителем: визиты Далай-ламы в Калмыкию

Его Святейшество Далай-лама XIV Тензин Гьятсо, приехав в Калмыкию и узнав, что старые гелюнгы живы, выразил желание с ними встретиться. Когда Уланову сообщили об этом, он, на удивление, стал отказываться. Он еще помнил лагеря и, видимо, не доверял коммунистам, которые тогда были у власти. Санджи гелюнг имел монашеское одеяние, хотя не всегда в нем ходил, но брил голову. Все-таки Уланов дал согласие. Как-будто он приехал на встречу необычным образом одетым: что-то было наизнанку, шапка – задом наперед. Завидев приближающуюся фигуру Его Святейшества, он завел особую молитву, которую Далай-лама подхватил, и они вместе ее закончили. Тогда Уланов быстро поправил свою одежду, а Его Святейшество как младший по возрасту монах старшему воздал соответствующие почести. Тогда же как старший по рангу Далай-лама прикоснулся лбом ко лбу Уланова в знак того, что признает его равным. Оказывается, в начале XX в., когда монахи еще были *манджиками* (служками), учителя их предостерегали, что наступают времена, когда могут появиться ложные учителя, и для этого их учили специальной молитве, по которой они смогут определить подлинного Далай-ламу. Молитва выполнила свое назначение и подтвердила, что в Калмыкию приехал настоящий Далай-лама и что калмыцкая сангха<sup>3</sup> смогла пронести сквозь испытания антирелигиозной кампанией, депортацией и в целом воинствующим атеизмом учение Будды, дождавшись визита своего Учителя.

У этого сюжета, как у настоящей легенды, есть и другие версии...

Как я слышал, когда в 1991 г. впервые Его Святейшество приехал в Элисту, все были в ажиотаже – хотели попасть на его молебен. А Санджи гелюнг не торопился. Близкие спрашивали его, почему он не спешит посмотреть на Далай-ламу, тот спокойно отвечал: он меня позовет. Действительно, в один день прие-

хали люди из приставленной к Его Святейшеству охраны и пригласили Санджи гелюнга проехать с ними. Санджи гелюнг одевался на выход как многие калмыцкие старики: светлая рубашка, костюм, шляпа. Он спокойно оделся и поехал. Когда он зашел в комнату, в которой находился Его Святейшество, он что-то сказал. И Далай-лама в ответ тоже что-то ответил. Тогда Санджи гелюнг снял шляпу и сделал простирания, убедившись, что перед ним подлинный Далай-лама. Оказывается, когда-то Далай-лама V дал клятву, что будет помогать всем ойратам. И Санджи гелюнг начал читать начало этой клятвы, а Его Святейшество продолжил эту клятву. Так монахи признали друг друга. Через год, в 1992 г. Его Святейшество снова приехал в Калмыкию и уже давал Прибежище некоторым калмыцким монахам. Говорят, что, убедившись, что линия учения среди монахов будет продолжаться, Санджи гелюнг сказал: теперь я могу уходить... (ПМА: интервью с А.Д.).

Наконец, есть и свидетельство очевидца. Руководитель религиозной общественной организации Дхарма-центр Баатр Элистаев поделился подробностями той исторической встречи Его Святейшества с Санджи гелюнгом, которая была признанием заслуг калмыцких монахов. Последние держали веру предков в самом западном анклав буддийского мира (Элистаев 1996). Как вспоминал Б. Элистаев, Тэло Тулку Ринпоче, сопровождавший Его Святейшество в этой поездке, загорелся идеей организовать встречу Его Святейшества и Санджи гелюнга, потому что наставниками Его Святейшества в детстве и юности были монахи-калмыки... «Когда мы приехали в этот вечер к Санджи гелюнгу и рассказали о возможности встречи с Далай-ламой, он сомневался: наши старые учителя говорили, что возможны подставные Далай-ламы... Вот бы пойти и проверить. ...Я – гелюнг, и он – гелюнг. Что нам надо друг от друга?» (ПМА: интервью с Б.Э.).

Встреча состоялась 29 июля 1991 г.

...из комнаты вышел Далай-лама. Он пошел навстречу Санджи гелюнгу и, не доходя до него, склонился и головой коснулся его рук, преподнося белый хадак, как приветствуют младшие по возрасту монахи старших... Все мы стояли в растерянности, а Далай-лама, рассмеявшись, увел Санджи гелюнга в номер гостиницы... Далай-лама и Санджи гелюнг некоторое время еще смотрели друг другу в глаза. Первым задал вопрос на тибетском языке Санджи гелюнг, прочитав отрывок одного из гимнов Будде. Никто ничего не понял. Санджи гелюнг повторил. Переводчик спросил у меня – это на калмыцком? Далай-лама быстро ответил Санджи гелюнгу на тибетском. И Санджи гелюнг повернулся ко мне и сказал на калмыцком: это настоящий Далай-лама, я его проверил... Оказывается, Санджи гелюнг сказал: если ты – настоящий Далай-лама, продолжи гимн Будде, который я читаю. Далай-лама ответил: я не знаю, точно ли я – Далай-лама, но таковым меня принимают все окружающие, а молитву Вашу я могу продолжить. Они засмеялись и крепко обнялись... (ПМА: интервью с Б.Э.).

В трех повествованиях об одной встрече мы видим, как рассказчики акцентируют разные детали события, но важными для всех нарративов являются подчеркивание особых отношений между Далай-ламами и калмыками и духовные компетенции Санджи гелюнга, которые при-



знаются Далай-ламой. Обычно экзамен на истинность принимает старший по статусу, а здесь – старший по возрасту. Видимо, уникальный опыт С. Уланова, который своей монашеской биографией как бы перекинул мост из одной эпохи в другую, пережив тоталитарный XX в., персонифицируя в себе заслуги всего репрессированного поколения священников, давал право ему так заявить о важности подлинного для калмыцких монахов – подлинной веры и подлинного Учителя.

Эпоха либерализации дала старт открытым религиозным практикам, которые начинались практически с нуля. В 1989 г. был выкуплен и открыт молельный дом, приглашен в Калмыкию Его Святейшество Далай-лама XIV Тензин Гьятсо и, первая партия студентов отправилась на долгую учебу в монастыри Индии.

### **Буддисты и политики**

Начало постсекулярной эпохи было и новым этапом становления государственности. Первые приезды Его Святейшества в 1991 г. и в 1992 г. состоялись в последние годы советской власти, и коммунисты позднего советского периода уже не боролись с религией, а старались апроприировать разные формы работы с народом, как бы разделяя общие ценности. Первые руководители Калмыцкого обкома КПСС и Верховного Совета республики, не стесняясь друг друга, несмотря на свои партийные билеты, встречали буддийского иерарха у трапа самолета. В этот момент они были калмыками, которые испокон веков почитали Далай-ламу. Являясь до этого воинствующими атеистами, эти люди не могли упустить шанс близко лицезреть главу буддистов мира, пока у них была власть руководить. Не зная буддийского этикета, которого никто не знал в Элисте тех лет, они толпились у трапа вперемешку с охранниками спецслужб. Белые шелковые шарфы хадаки, материальное приветствие и благопожелание, держали в руках артисты в калмыцких костюмах. Религиозные атрибуты здесь были объединены с этническим костюмом как примордиальное целое.

На встречах с Его Святейшеством люди старались задавать самые важные на то время вопросы, в том числе и вопрос, кто же из претендентов станет лучшим президентом Калмыкии. Будто бы Далай-лама при обсуждении будущих президентских выборов посоветовал отдать предпочтение человеку, который был рожден после депортации, как персоне, свободной от депривационного опыта<sup>4</sup>. Общность опыта изгнания из родных мест в тоталитарных коммунистических режимах, невозможность возвращения на родину по политическим причинам объединяют тибетцев (с 1959 г.) и калмыков (в 1943–1957 гг.). «Среди разных стран, с представителями которых у нас есть контакты, калмыцкий народ ближе всего к нам», – сказал Председатель тибетского

парламента проф. Самдонг Ринпоче журналисту Э. Шамакову (Шамаков 1996).

Первый и второй президенты Республики Калмыкия (РК), в прошлом коммунисты, ныне как будто буддисты, время от времени ездили на аудиенции в Дхарамсалу. Как правило, эти визиты имели место после успешных выборов или накануне предстоящих. Это тоже современная реплика на традицию XVIII в., когда именно Далай-ламы утверждали калмыцких ханов на троне. Так, Аюка-хан получил ханский титул и печать в 1699 г. с посольством Далай-ламы VI, после чего его бумаги стали скрепляться двумя печатями (Тепкеев, Санчилов 2016: 15).

Баннеры с образом Илюмжинова вместе с патриархом РПЦ Алексием II, Папой Римским и с Его Святейшеством Далай-ламой XIV стали визуальной частью агитационной кампании вторых выборов К. Илюмжинова в 1995 г., а обязательство построить новый хурул (храм) в центре Элисты – его главным обещанием народу. Место для строительства первого хурула было выбрано Его Святейшеством в 1991 г., тогда секретари Обкома КПСС не захотели выделить землю под храм в черте города. Во время третьего визита Далай-ламы осенью 2004 г., когда КПСС перестала существовать, К. Илюмжинов попросил буддийского иерарха освятить место для хурульного комплекса в центре Элисты, и это было сделано (ПИМА: интервью с Э.Ш.).

Второй глава РК Алексей Орлов также посещал Его Святейшество в Дхарамсале. Как рассказывали свидетели об одном высокопоставленном официальном лице, который, оказавшись на аудиенции, спросил первым делом: сделаем фотографию? Хотя имени не было названо, людская молва связала эту историю со вторым главой РК, от которого ждали более активных усилий в деле приглашения Далай-ламы в Элисту.

При первом президенте РК Калмыкии, несмотря на то что он мало времени проводил в республике, были построены два буддийских храма. Это было большим вкладом в деле восстановления буддизма, потому что отсутствие храмов у калмыков с 1943 по 1988 г. уже становилось особенностью калмыцкого буддизма (Бакаева 2010: 421). Будучи с 1995 г. также президентом ФИДЕ, К. Илюмжинов часто бывал в Китае. Там он предложил подписать договор о том, что Элиста и Лхаса будут городами-побратимами. Такой договор был подписан, и несколько раз делегации мэрий обоих городов обменялись визитами. Вот почему в Элисте есть улицы Лхасская и Тибетская.

### **Защитники Отечества и веры**

С 2001 г. политические партии, выражающие религиозные интересы, в России были запрещены. Поэтому зарегистрировать партию, отражающую интересы буддистов Калмыкии, было невозможно. Перед

выборами в хурал (парламент) 2013 г. в Калмыкии было зарегистрировано региональное отделение партии «Защитники Отечества», в которой по всей России обычно состоят профессиональные военные. Но в калмыцком отделении ее возглавили люди, которые увидели в названии буддийский смысл – как защитников веры в Калмыкии. Девизом отделения стал лозунг «Мы имеем право встречать Далай-ламу на своей земле». В члены отделения принимали только проверенных людей, чтобы никоим образом никто из членов отделения не запятнал дело, связанное с именем Его Святейшества. Почти все участники отделения выдвигались на выборы в хурал, чтобы использовать возможность дебатов на телевидении как площадку для выражения интересов верующих. В начале этой кампании только «Защитники» говорили о праве верующих приглашать Далай-ламу с пасторским визитом и что отказ в этом праве для них означает отсутствие прав и в других областях. Этот лозунг «Защитников» пришелся по душе жителям республики, и к концу избирательной кампании почти все региональные отделения известных партий, включая ЛДПР и КПРФ, записали в свои программы требования «о праве принимать Далай-ламу на своей земле». «Мы думали, что, если мы сможем отстоять это право, а потом сможем отстоять и другие права» (ПМА: интервью с В.Б.).

На выборы в главы Калмыкии 2014 г. «Защитники Отечества» поддержали бизнесмена В. Мацакова, который сам об этом попросил, считая себя верующим. Ему дали наказ в случае успешного исхода выборной кампании вести себя во главе республики подобно царю-чакравартину, который заботился о своем народе и с уважением относился к буддийской сангхе, он смог навести порядок в стране, полученной в разрушенном состоянии. Образ царя-чакравартина очень подходил в качестве примера: «...этот царь получает власть не через насилие и не по наследству, а находясь на самом верху социальной лестницы, стремится “отказаться от всех привилегий царского статуса”» (Лепехова 2011: 70).

На собрании по поводу выдвижения Мацакова присутствовали представители избиркома РК, которые молча наблюдали, как члены отделения читают вместе с кандидатом двенадцатую главу «Сутры золотистого света» с описанием признаков царя-чакравартина (ПМА: интервью с Д.Г.). Со стороны это походило на художественную акцию.

В этом случае мы также видим пример ресайклинга – как партия с особой социальной базой (военные пенсионеры-патриоты) преобразуется в иную – совсем с другими, буддийскими, целями. Мацаков выступил одним из спонсоров благотворительного проекта – издания книги Далай-ламы «Моя страна и мой народ» к его 80-летию, 1 000 экземпляров тиража которой были распределены в школьные и государственные библиотеки и подарены делегатам слета учителей калмыцкого языка. Он построил в Элисте большую Ступу Просветления и мо-

литвенный барабан. Ступа сооружена по всем буддийским правилам, молитвы, заложенные в ступу, написаны на старом калмыцком письме. Мацаков подарил построенный его кампанией коттедж хурулу, в котором сейчас живут монахи, а также останавливаются учителя, которые приезжают с лекциями, но к выборам допущен не был.

### **Религиестроительство постсекулярного времени**

Краеугольным камнем в становлении религиозного сообщества стало избрание американского гражданина, родившегося в калмыцкой семье казаков, эмигрантов первой волны, Тэло Тулку Ринпоче. Эрдни Омбадыков в миру, он родился в 1972 г. в США, в штате Пенсильвания, где, как и в соседнем Нью-Джерси, проживает компактно калмыцкая община и работают четыре буддийских храма. В одном из этих буддийских храмов служил простой монах гевше Вангъял – калмык, посланный учиться в Тибет в конце 1920-х гг., а в 1950-е гг. присоединившийся к калмыцкой общине США и читавший курс лекций о буддизме в Колумбийском университете.

Тэло Тулку Ринпоче был избран Шажин-ламой (Верховным ламой) Калмыкии в 1992 г. Еще в детстве он был признан перерожденцем монгольского Дилова – хутухты. Жизнь в буддийском монастыре с шести лет, близость к высоко реализованным учителям способствовали тому, что в статусе Шаджин-ламы он смог представлять интересы Далай-ламы и интересы верующих людей в СНГ и Монголии. После избрания Шаджин-ламой Тэло Тулку Ринпоче должен был надолго переехать в Элисту для выполнения своей миссии. С 2005 г. резиденция Тэло Тулку Ринпоче расположена в главном храме Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни» (Золотая обитель... б. г.), который сегодня является крупнейшим буддийским комплексом в России и Европе. Вот как ждали его верующие калмыки:

Мы все готовились к тому, что Ринпоче приедет, и думали о том, как бы его поддержать. Было очень трудно, все зарождалось, у нас не было знаний и все носило приблизительный характер: кто-то что-то слышал... На конференции мне придумали должность коммерческого директора: надо было имеющийся транспорт собрать, бухгалтерский учет наладить и т.д., чтобы Ринпоче мог опираться на нас, и быть всегда рядом, чтобы помогать (ПМА: интервью с В.К.).

Молодому человеку, оказавшемуся в чужой стране с задачей выстроить буддийскую общину, было непросто. Общаться с чиновниками, говорившими не просто на другом языке (чтобы научиться русскому языку, должно было пройти время, английский, калмыцкий, тибетский языки знали далеко не все его собеседники) и привыкшими к аппаратным играм, которые могли легко обманывать, чтобы добиваться поставленных целей, надо было научиться.

Было непонимание с правительством с главой республики, и везде он ни на йоту не поступился совестью, честью. Иногда хотелось сказать: Ринпоче-ла, пожалуйста, уступите. По прошествии какого-то времени ты понимал, что альтернативы нет, что он был прав, и статус его обязывает к этому, и то, что он является главой буддистов Калмыкии... Уже 25 лет у меня есть счастье наблюдать за Ринпоче, и по тому, как он мыслит, он действительно думает о народе... И понимаешь, что нам сильно повезло (ПМА: интервью с В.К.).

За почти 30 лет Тэло Тулку Ринпоче в Калмыкии создал сангху, которая должна включать как минимум четырех гелюнгов – монахов, отучившихся в монастырях не менее 18 лет и принявших 237 обетов. При нем в Калмыкии было построено более 30 храмов, многие из которых оснащены по буддийским канонам, возведены Ступы, что также требовало больших усилий. Он стал приглашать для чтения лекций выдающихся буддийских учителей со всего мира, чтобы паства духовно росла, и реализовал проект организации регулярного паломничества.

Буддийский комплекс «Золотая обитель Будды Шакьямуни» в народе стали называть Центральным хурулом, маркируя не только его центральное место среди городских построек. Хурул стал особым местом для верующих горожан. Многие культурные запросы в духовной и историко-культурной сфере интересов здесь можно удовлетворить. В хуруле проводятся занятия по калмыцкому языку, Ясному письму, можно научиться играть на домбре, взять книги в востоковедческой библиотеке. Здесь бывают музыкальные подношения Его Святейшеству (концерты). Все выступления, лекции и курсы – бесплатные. Например, 7 июня 2019 г. более 700 музыкантов и вокалистов Калмыкии совершили музыкальное подношение Будде, Дхарме и Сангхе. Ринпоче прокомментировал значение этого музыкального праздника: «...мы совершаем подношение “Трем Драгоценностям”, накапливаем благие заслуги, воздаем уважение старшему поколению, сохранившему родной язык и культуру, а также пытаемся популяризировать национальные музыкальные инструменты, пропагандируем национальную культуру калмыков и развиваем такой жанр, как “Буддийская духовная музыка”» (Золотая обитель... б. г.). Стараниями монахов Центрального хурула был учрежден Фонд помощи малообеспеченным семьям Калмыкии «Буйн-Добродетель», практически взявший на себя часть функций социальной защиты населения.

Здесь мы подходим к широкому понятию «культурный суверенитет», обозначающему стратегии сохранения и развития культурного разнообразия, а также утверждения автономии от внешнего контроля (Coffey and Tsosie 2001). В современной Калмыкии он возможен преимущественно в рамках религиозного поля, пока буддисты сами решают свои вопросы в «космополитическом мире азиатского буддизма» (Bernstein 2014: 5).

Одним из важных вопросов для верховного ламы Калмыкии был вопрос приглашения Его Святейшества в Россию. После того как МИД России перестал выдавать въездные визы Далай-ламе в связи с нотами протеста КНР, верующие Калмыкии, Тывы и Бурятии утратили возможность очно встречаться со своим духовным лидером в России, Далай-лама стал даровать свое учение верующим из России в Риге – там, где было ближе всего к территории России, и тогда, когда россиянам было удобнее всего – на майские каникулы. Общество «Сохраним Тибет», Центр тибетской культуры и информации в Москве, Центральный хурул и другие учреждения способствовали получению всеми желающими виз не только в Латвию, но и в другие страны, где Его Святейшество даровал учения – в США, Швейцарию, страны объединенной Европы (Гучинова 2020: 41). Тем не менее калмыцкая община регулярно поднимает вопрос о приглашении Далай-ламы в Россию.

### **Паломничество как школа веры**

Во многих социумах, нередко и в калмыцком, буддизм воспринимается еще в примордиальных терминах как часть этничности. Многие люди уверены, что калмыки относятся к буддистам по факту рождения, что иного выбора у них нет. ИмPLICITно считается, что человек может выбирать между атеизмом, агностизмом и верой, но, если он остановился на религии, то выбор у калмыка может быть один – буддизм.

Специфика современного калмыцкого паломничества в том, что благодаря работе сангхи Центрального хурула – это в основном организованное паломничество, несмотря на то что группы могут быть по 250–300 чел. Монахи и активисты занимаются оформлением визы, покупкой авиабилетов, бронированием гостиниц, трансфером до международных аэропортов (в Москву – 18 часов). Так как учения Его Святейшества обычно проходят в первой половине дня, после обеда монахи проводят дополнительные лекции для разъяснения трудных для понимания частей учения. Формат специальных учений для россиян предполагает синхронный перевод всех лекций на русский язык, молитвы на калмыцком, бурятском и тувинском языках, а также аудиенции для представителей этих республик и других буддийских организаций. В Российской Федерации на публичных мероприятиях только на спектаклях калмыцкого театра можно услышать калмыцкий язык на таких же правах, как и русский, поэтому чтение молитв на калмыцком языке в главном храме Далай-ламы – знак особого уважения к этническим меньшинствам России буддийского вероисповедания.

Все паломники, которые оформлялись через Центральный хурул, – среди них встречаются и москвичи, и буряты, и тувинцы – получали также треугольный желтый шелковый галстук, который по-пионерски

завязывают на шее, чтобы паломники могли в незнакомых местах зарубежья опознавать друг друга и помочь при необходимости.

Желтый галстук, отражая «желтую веру» предков, стал символом современного организованного паломничества калмыков, которые визуально дополнялись четками и красными шнурками на шее или запястье, а также смартфоном, чтобы быть на связи в группе, в которой быстро распространялись объявления об изменении в расписании и т.д. Многие паломники стремятся подчеркнуть свою этничность и берут на учения калмыцкие костюмы, стремясь маркировать свою одежду, если не полным костюмом, то футболкой с калмыцким текстом или буддийским логотипом, головным убором с красной кистью, отражая самоназвание калмыков «улан залата хальмгуд» – «краснокистные калмыки» (Гучинова 2020: 36). Один из паломников сформулировал свои чувства так: мы же как народ сдаем экзамен Его Святейшеству Далай-ламе (ПМА: интервью с Х.Э.).

Поездки к Далай-ламе, чтобы показать «себя как народ», напоминают и о том, что в XVIII в. именно Далай-лама утверждал калмыцких ханов в их статусе. Когда договорные обязательства с Российской империей стали переходить в подданические, то калмыцкое представительство в публичных имперских мероприятиях часто было обязательным, как и представительство других народов в нарядных народных костюмах, парами – мужчины и женщины. Иногда дело ограничивалось манекенами в костюмах, как это было на Первой Этнографической выставке в 1867 г. (300 манекенов). Самый известный «парад народов» в России состоялся 6 февраля 1740 г. в Санкт-Петербурге на шутовской свадьбе князя М.А. Голицына и «придворной калмычки» Е.И. Бужениновой (Погосян 2001), описанной И. Лажечниковым в романе «Ледяной дом»:

Тут и рыжеволосые финны на крошечных конях, камчадалы на собаках, калмыки на верблюдах, белорусцы под войлоком колтуна, зыряне... все сто пятьдесят разноплеменных пар, каждая в своем народном костюме, на отличной паре животных, в различных саях и салазках... только в России можно было составить такой богатый этнографический праздник (Лажечников И.И., б. г., гл. «Свадьба шута»).

Можно ли отнести представления о том, что перед лидерами мира надо являться в своей этнической одежде – к «кармическим отпечаткам» или здесь присутствуют другие причины? Возможно, здесь дело в том, что паломничество как путешествие, обещающее пережить опыт встречи с самим собой «настоящим» (Кормина 2019: 37) – «настоящим калмыком», актуализирует и мысли, и одежду, которые в идеале должны носить калмыки. Одежда как социальный знак репрезентирует через этничность самое важное, что человек хочет о себе сообщить. Возмож-

но, что в пространстве, разделяемом с Далай-ламой, маркеры этничности – это и предмет гордости за принадлежность к народу, предки которого спасали Тибет, помогали Далай-ламам и удерживали веру, несмотря на сложный XX в.

### Молебен как протест

8 сентября 2019 г. главой РК избран Бату Хасиков, спортсмен-кикбоксер, многократный чемпион мира среди профессионалов. 26 сентября по рекомендации главы РК главой Элисты стал Дмитрий Трапезников. Лидеры оппозиции критиковали Хасикова за это кадровое решение, а пользователи соцсетей отметили, что Трапезников – посторонний человек, назначенный по указанию сверху. Элистинцев смущала биография Трапезникова, который не имел стажа работы на муниципальной службе в России, зато имел семь дипломов о высшем образовании. Жители почувствовали себя сабалтернами, от которых ожидают одобрения любых назначений и возмутились этому: «не хотим, чтобы в Калмыкии отмывались сомнительные биографии», – говорили недовольные в социальных сетях. Лозунг «За чистоту города» заявлял о нравственной чистоте как принципе политического действия.

Место проведения молебна организаторы назначили в самом центральном месте города – на бывшей площади им. Ленина, откуда памятник Ленину в 2004 г. был смещен на 200 м в сторону и вместо него построена Пагода Семи дней. Так была маркирована смена приоритетов с коммунизма на буддизм. Эта площадь находится между самыми важными зданиями в городе – в одном находится Администрация главы РК и парламент, в соседних – Администрация г. Элисты и здание университета. Ранее площадь Ленина была пустой, только Ленин возвышался на широком постаменте, который был стихийной трибуной для митингов протеста в 2004 г, удобной позицией для документальной съемки независимых журналистов. После тех событий К. Илюмжинов распорядился перенести памятник в другое место неподалеку, и новый план площади с Пагодой в центре стал заставленным скамьями, большими шахматами, лотосовидными светильниками, чтобы не было пространства для скопления большого количества людей.

1 октября 2019 г. на территории культурного комплекса «Пагода семи дней» прошел публичный молебен «о благополучии и чистоте Элисты». Впервые была использована такая форма публичного протеста, как молебен. Ее придумали как Другую форму протеста, не зафиксированную в списках табу, ведь оружие слабых – «все формы, что не запрещены» (Дж. Скотт). Как молитва защищает творящего ее человека, так и форма молебна должна была защитить участников от разгона полицией, такие опасения были у организаторов. Число участников со-



ставило несколько сотен человек. Многие из них не были верующими и не знали текста молитвы 21 Тары, которую надо было читать с листа. Эти листы раздавали всем желающим, но и с листа читать было многим непросто. Монахи не были приглашены на молебен, потому что цели молебна были все-таки политические. Но последующие массовые акции протеста «Это наш город» всегда сопровождались хорошей погодой, что было растолковано как правильное начало всех мероприятий протеста – с молебна.

Право принимать Его Святейшество на родной земле, в Калмыкии, остается главным требованием буддистов Калмыкии, и важным требованием всех калмыков, которые не принимали Прибежища, но считают себя буддистами по рождению, поскольку они – калмыки. Также разрешения на пасторский визит Его Святейшества ждут верующие тувинцы и буряты, а также буддисты, которые проживают в других регионах России. Почему недовольство КНР важнее для правительства России нежели ожидания буддистов – граждан России? Эта проблема обсуждалась в ходе заседания Комиссии по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений Общественной палаты РФ 21 июля 2020 г. От имени калмыцких буддистов выступил администратор главного храма «Золотая обитель Будды Шакьямуни» Йонден гелюнг. Он напомнил, что место под строительство этого храма Далай-лама XIV освятил во время своего визита в Калмыкию в 2004 г. Уже 15 лет как хурул построен и стал одним из крупных духовно-просветительских центров развития буддизма в России. В церемонии освящения также остро нуждаются и другие новые храмы Калмыкии. Парадоксальным образом священник связал просьбу об организации визита Его Святейшества с юбилейной датой – 100-летием создания советской автономии в Калмыкии. «Для всех жителей республики визит Его Святейшества Далай-ламы XIV стал бы самым долгожданным подарком и подлинным благословением», – сказал он (В Общественной... б. г.).

### **Заключение**

Калмыки – пришлый народ на той территории, которая теперь относится к Республике Калмыкия. 400 лет калмыки находятся в составе России, и эта дата (350-летие в 1959 г.) широко отмечалась в СССР и позже в России в 2009 г. как «добровольное вхождение калмыков в состав России». Калмыки всегда гордились, что они не были завоеваны силой оружия, а пришли в Россию по желанию своих лидеров. Создание Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республики дала народу титульность, которая со временем стала основанием для калмыков считать себя коренным населением.

Слабая экономика, безработица и отток работоспособного населения, а также другие социальные проблемы остаются актуальными в РК.

Политическая оппозиция не была привлекательной в калмыцком обществе – немногие готовы идти против государства, и не сложился средний класс, который имел бы независимые источники существования.

Самым сильным проявлением с точки зрения культурного суверенитета стала буддийская самоидентификация, потому что для проживающих в республике калмыков религия важна как часть идентичности, реализовать которую кажется легче, чем, например, выучить родной язык. Чтобы начать процесс становления буддистом, достаточно пойти в хурул, начать читать соответствующую литературу, посещать занятия по основам буддизма – в социальных сетях или в Центральном хуруле Элисты, наконец, слушать лекции выдающихся лам, которые приезжают толковать буддизм в Элисту специально, чтобы верующие Калмыкии развивались и росли. Важным фактором влияния калмыцкой сангхи были сильные моральные позиции в вопросах, важных для народа, социально ориентированные программы для населения. События 2022 г. поставили новые вопросы перед духовными лидерами республики, которым предстоит реагировать на актуальные запросы XXI в. 27 января 2023 г. Тэло Тулку Ринпоче снял с себя полномочия Шаджин-ламы. Так закончился тридцатилетний период его руководства калмыцкими буддистами, в котором самым важным стало создание монашеской общины, соблюдающей в чистоте обеты<sup>5</sup>. Новым Верховным ламой Калмыкии был избран, а 15.02.2023 утвержден Его Святейшеством Далай Ламой XIV настоятель Центрального хурула геше Тендзин Чойдак (Мутул Овьянов).

### Примечания

<sup>1</sup> Трудовой лагерь, в который направляли отозванных с фронта рядовых и сержантов калмыцкого происхождения.

<sup>2</sup> Священник, принявший 237 обетов.

<sup>3</sup> Община монахов.

<sup>4</sup> Слова В. Каруева в документальном фильме «Доски судьбы» (Е. Саканянц, 1994).

<sup>5</sup> См.: Обращение Шаджин-ламы Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче. URL: <https://www.khu-rul.ru/news/obraschenie-shadzhinlami-kalmikii-telo-tulku-rinpoche>

### Список источников

Арджа Лобсанг Тубден. Жизнь Арджа-ринпоче и секрет золотой урны / перевод с кит., вст. ст, прим., индекс И.Р. Гарри. Улан-Удэ, 2018.

Бакаева Э., Жуковская Н. (отв. ред.) Калмыки. М.: Наука, 2010.

Батырева С.Г. Старокалмыцкое искусство. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1991.

В Общественной палате РФ был озвучен вопрос возможности приезда Далай-ламы // Elista.org. URL: [http://www.elista.org/socium/v\\_obwestvennoj\\_palate\\_rossii\\_byl\\_ozvuchen\\_vopros\\_vozmozhnosti\\_priezda\\_dalajlamy/?fbclid=IwAR3y86wPdI9gARO9p9QoAKT1wP09ybgIvZdVShGwPZKDs-ziW3vLHbqEutA](http://www.elista.org/socium/v_obwestvennoj_palate_rossii_byl_ozvuchen_vopros_vozmozhnosti_priezda_dalajlamy/?fbclid=IwAR3y86wPdI9gARO9p9QoAKT1wP09ybgIvZdVShGwPZKDs-ziW3vLHbqEutA)

Гучинова Э.Б. С красной кистью и желтым галстуком: о специфике калмыцкого паломничества // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 32–46.

- Дорджиева Г.Ш. Репрессированное буддийское духовенство Калмыкии. Элиста: Изд-во Калм. ГУ, 2014.
- Кормина Ж. Паломники. Этнографические очерки православного нomaдизма. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2019.
- Кормина Ж., Штырков С. «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии. Десекуляризация в постсоветском контексте / под ред. Ж. Корминой, А. Панченко, С. Штыркова. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 7–45.
- Лажечников И.И. Ледяной дом. URL: <https://www.litres.ru/ivan-lazhechnikov/ledyanoy-dom-172991/chitat-onlayn/>
- Лепехова Е.С. Буддийский царь как идеальный правитель в концепции школы Сингон // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 14. С. 64–68.
- Погосян Е. «И невозможное возможно»: свадьба шутов в ледяном доме как факт официальной культуры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV (Новая серия). Тарту, 2001. С. 80–109. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/502913.html>
- Полевые материалы автора (ПИМА): интервью с В. Катушовым, В. Бембетовым, Д. Гедеевой, А. Джуджиевым, Э. Шамаковым, Б. Элистаевым, Х. Эльбиковым, Л. Корнусовой были записаны в 2018–2020 гг.
- Золотая обитель Будды Шакьямуни. URL: <https://www.khurul.ru/>
- Тенкеев В.Т., Санчиров В.П. Калмыцко-тибетские отношения на рубеже XVII–XVIII вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 4. С. 12–20.
- Шамаков Э. Постройте в сердце своем храм // Советская Калмыкия. 17.02.1996.
- Элистаев Б. История одной фотографии // Дыхание лотоса. Ежемесячная буддийская газета. № 9. Сентябрь 1996 г.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2015.
- Bernstein A. Religious Bodies Politic: Rituals of Sovereignty in Buryat Buddhism. Chicago, 2014.
- Coffey W., Tsosie R.A. Rethinking the Tribal Sovereignty Doctrine: Cultural Sovereignty and the Collective Future of Indian Nations // Stanford Press Law & Policy Review. 2001. Vol. 12.
- Gazizova V. Buddhist, Soviet and Kalmyk: 'Secret' Lamas of Late Socialism, Their Loci of Worship and Patterns of Transmission. 29 October. MIASU, University of Cambridge, 2019. URL: <https://www.socanth.cam.ac.uk/events/miasu-research-seminar-valeriya-gazizova-miasu-university-of-cambridge>
- Grant B. The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus. Ithaca; London: Cornell University Press, 2009.
- Mahmood S. Secularism, sovereignty, and religious difference? A global genealogy // Environment and Planning D: Society and Space. 2017. Vol. 35 (2). P. 197–209.

### *References*

- Aja-Rosan-Tuputen (2018) *Zhizn' Ardzha-rinpoche i sekret zolotoi urny* [The Life of Arja Rinpoche and the Secret of the Golden Urn]. Translated from Chinese, Foreword, Comments, Index by I.R. Garri. Ulan-Ude.
- Bakaeva E., Zhukovskaia N. (eds.) (2010) *Kalmyki* [Kalmyks]. Moscow: Nauka.
- Batyreva S.G. (1991) *Starokalmytskoe iskusstvo* [Old Kalmyk art]. Elista. Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- V Obshchestvennoi palate RF byl ozvuchen vopros vozmozhnosti priezda Dalai-lamy [The question of the possibility of the arrival of the Dalai Lama was raised in the Civic Cham-

- ber of the Russian Federation]. Available at: [http://www.elista.org/socium/v\\_obwestvennoj\\_palate\\_rossii\\_byl\\_ozvuchen\\_vopros\\_vozmozhnosti\\_priezda\\_dalajlamy/?fbclid=IwAR3y86wPd19gAR09p9QoAKT1wP09ybg1vZdVShGwPZKDs-ziW3vLHbqEutA](http://www.elista.org/socium/v_obwestvennoj_palate_rossii_byl_ozvuchen_vopros_vozmozhnosti_priezda_dalajlamy/?fbclid=IwAR3y86wPd19gAR09p9QoAKT1wP09ybg1vZdVShGwPZKDs-ziW3vLHbqEutA)
- Guchinova E.B. (2020) S krasnoi kist'iu i zhelytym galstukom: o spetsifike kalmytskogo palomnichestva [With A Red Brush and Yellow Tie: On Specificities of The Kalmyk Pilgrimage], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 32–46.
- Dordzhieva G.Sh. (2014) *Repressirovannoe buddiiskoe dukhovenstvo Kalmykii* [The repressed Buddhist clergy of Kalmykia]. Elista: Izd-vo Kalm. GU.
- Kormina Zh. (2019) *Palomniki. Etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma* [Pilgrims. Ethnographic essays on Orthodox nomadism]. Moscow: Izd. Dom VShE.
- Kormina Zh., Shtyrkov S. (2015) «Eto nashe iskonno russkoe, i nikuda nam ot etogo ne det'sia»: predistoriia postsovetsoi desekularizatsii [“This is our native Russian, and we can't get away from it”: background of post-Soviet desecularization]. In: *Izobretenie religii. Desekularizatsiia v postsovetском kontekste* [The invention of religion. Desecularization in the Post-Soviet Context]. Ed. by Zh. Kormina, A. Panchenko, S. Shtyrkov. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v SPb, pp. 7–45.
- Lazhechnikov I.I. *Ledianoi dom* [An Ice House]. Available at: <https://www.litres.ru/ivan-lazhechnikov/ledyanoy-dom-172991/chitat-onlayn/>
- Lepekhova E.S. (2011) Buddiiskii tsar' kak ideal'nyi pravitel' v kontseptsii shkoly Singon [Buddhist King as An Ideal Ruler in Conception of Shingon School], *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 14, pp. 64–68.
- Pogosian E. (2001) «I nevozmozhnoe vozmozhno»: svad'ba shutov v ledianom dome kak fakt ofitsial'noi kul'tury [“And the impossible is possible”: the wedding of jesters in an ice house as a fact of official culture]. In: *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturaovedenie. IV (Novaia seriia)* [Works on Russian and Slavic Philology. Literary criticism. IV (New Series)]. Tartu, pp. 80–109. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/502913.html>
- Author's Field Materials (AFM): Interviews with V. Katushov, V. Bembetov, D. Gedeeva, A. Dzhudzhiev, E. Shamakov, B. Elistaev, Kh. El'bikov, L. Kornusova. Recorded in 2018–2020.
- Zolotaia obitel' Buddy Shak'iamuni* [Golden Abode of Buddha Shakyamuni Khurul Website]. Available at: <https://www.khurul.ru/>
- Tepkeev V.T., Sanchirov V.P. (2016) Kalmytsko-tibetskie otnosheniia na rubezhe XVII–XVIII vv. [Kalmyk-Tibetan Relations at the Turn of the 17th-18th Centuries], *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniĭ RAN*, no. 4, pp. 12–20.
- Shamakov E. (1996) Postroite v serdtse svoem khram [Build in Your Heart a Temple], *Sovetskaiia Kalmykia*. 17.02.1996.
- Elistaev B. (1996) Istoriia odnoi fotografii [The story of a photo], *Dykhanie lotosa. Ezhe-mesiachnaia buddiiskaia gazeta*. № 9. September 1996.
- Yurchak A. (2015) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow: NLO.
- Bernstein A. (2014) *Religious Bodies Politic: Rituals of Sovereignty in Buryat Buddhism*. Chicago.
- Coffey W. and Tsosie R.A. (2001) Rethinking the Tribal Sovereignty Doctrine: Cultural Sovereignty and the Collective Future of Indian Nations, *Stanford Press Law & Policy Review*, Vol. 12.
- Gazizova V. (2019) (MIASU, University of Cambridge). *Buddhist, Soviet and Kalmyk: 'Secret' Lamas of Late Socialism, Their Loci of Worship and Patterns of Transmission*. Available at: <https://www.socanth.cam.ac.uk/events/miasu-research-seminar-valeriya-gazizova-miasu-university-of-cambridge>
- Grant B. (2009) *The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus*. Ithaca and London: Cornell University Press.

Mahmood S. (2017) Secularism, sovereignty, and religious difference? A global genealogy, *Environment and Planning D: Society and Space*, Vol. 35(2), pp. 197–209.

***Сведения об авторе:***

**ГУЧИНОВА Эльза-Баир Мацаковна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: bairjan@mail.ru

***Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.***

***Information about the author:***

**Elza-Bair M. Guchinova**, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: bairjan@mail.ru

***The author declares no conflict of interests.***

*Статья поступила в редакцию 16 февраля 2022 г.;  
принята к публикации 01 ноября 2022 г.*

*The article was submitted 16.02.2022;  
accepted for publication 01.11.2022.*